

Германия и судьба царской семьи в 1917—1918 гг.

Борис Хавкин

Germany and the fate of the Royal family in 1917—1918

Boris Khavkin

*(Historical and archival Institute of the Russian State
Humanitarian University, Moscow)*

DOI: 10.31857/S013160950004735-2

Прошло уже более 100 лет после расстрела Николая II, его семьи и приближённых, но интерес к этому событию по-прежнему велик¹. В сентябре 2015 г. Следственный комитет России (СКР) возобновил расследование обстоятельств этого убийства, в рамках уголовного дела провели эксгумацию останков, захороненных в Петропавловской крепости в Санкт-Петербурге. Русской Православной Церковью была создана специальная патриаршая комиссия для изучения мнений историков и криминалистов. 16 июля 2018 г. официальный представитель СКР С.Л. Петренко подвела итоги проделанной работы: «После завершения двух повторных комиссионных медицинских (антропологических), автороведческой и историко-архивной судебных экспертиз по уголовному делу будет принято итоговое процессуальное решение. К производству этих экспертиз привлечены видные учёные. Для разрешения поставленных вопросов ими изучается и систематизируется около 2 тысяч документальных первоисточников, в том числе обнаруженных в 2017—2018 гг. в зарубежных архивах и музеях и никем не исследованных»².

Продолжающиеся споры о судьбе царской семьи заставляют обратить внимание на попытки спасти её, отправив за границу. Как известно, после Февральской революции Временное правительство собиралось отправить отрекшегося императора и его семью в Англию к их родственнику Георгу V (двоюродному брату императрицы Александры Фёдоровны). А.Ф. Керенский вспоминал: «Что же касается эвакуации царской семьи, то мы решили отправить их через Мурманск в Лондон. В марте 1917 года получили согласие британского правительства, но в июле, когда всё было готово для проезда поезда до Мурманска и министр иностранных дел [М.И.] Терещенко отправил в Лондон телеграмму с просьбой выслать корабль для встречи царской семьи, посол Великобритании получил от премьера [Д.] Ллойд Джорджа ясный ответ: британское правительство, к сожалению, не может принять царскую семью в качестве гостей во время войны»³. Вместо Мурманска царскую семью отправили в Тобольск, а затем в Екатеринбург. Таким образом, Георг V по сути предал своего кузена и союзника.

© 2019 г. Б.Л. Хавкин

¹ Об этом, в частности свидетельствует электронная публикация ГА РФ всех известных документов из российских и зарубежных архивов по истории убийства Николая II и его семьи; проект «Документы по истории убийства царской семьи в российских и зарубежных архивах» (URL: <http://statearchive.ru/intro.html>).

² РИА «Новости» (Москва). 2018. 6 июля (URL: <https://ria.ru/society/20180716/1524638526.html>).

³ Жук Ю.А. Вопросительные знаки в «Царском деле». М., 2013. С. 38.

Между тем другой кузен — кайзер Вильгельм II проявил личную заинтересованность в судьбе своих русских родственников. Позднее он утверждал: «При Александре III Россия, конечно, никогда не вступила бы в войну с Германией, ибо он был достаточно устойчивым человеком. Император Николай II, наоборот, был человек слабый и колеблющийся. В его глазах был прав тот, кто последним уходил от него; этим последним я, естественно, мог быть не всегда. И по отношению к царю Николаю II я делал всё возможное, чтобы восстановить традиционную дружбу между Германией и Россией, к чему, кроме соображений политического характера, меня побуждало обещание, данное мной моему деду (кайзеру Вильгельму I. — Б.Х.) на его смертном одре»⁴.

Однако кайзер не был самостоятелен в принятии важных политических решений⁵. В 1918 г. реальная власть в рейхе принадлежала не ему, «дуумвирату» — генералам П. Гинденбургу и Э. Людендорфу, которые, руководствуясь военной необходимостью, вынуждены были поддерживать большевиков, подписавших мир с Германией и державших в заточении царя и его семью⁶. В то же время кайзер находился под давлением европейской аристократии, призывавшей его спасти русских родственников. Поэтому действия германской дипломатии были столь непоследовательны: с одной стороны, она политическими и финансовыми средствами поддерживала правительство Ленина, с другой — пыталась оказать помощь свергнутому царю и его семье.

Как вспоминала принцесса Виктория-Луиза, дочь Вильгельма II, её отец полагал, что «сделал всё мыслимое для спасения царской семьи»⁷. Так ли это было на самом деле? В 1917 г., когда Временное правительство пыталось вывезти Романовых из страны, датский королевский двор обратился к Германии с просьбой помочь освобождению царя. «Непосредственная помощь при существующих условиях исключается, — отвечал Вильгельм II. — Каждый шаг мой и моего правительства ещё более ухудшил бы положение царской семьи, так он был бы неправильно понят русским правительством как якобы имеющееся у нас намерение способствовать возвращению царя к власти... Шаги Антанты, вероятно, также вызовут аналогичное подозрение. Единственный путь, по которому мы могли бы пойти, по-моему, заключается в том, что скандинавские страны совместно поставят этот вопрос перед российским правительством. Вам как нейтральным государствам будет гораздо больше доверия в том, что вы действуете по мотивам человечности и не преследуете никаких политических интересов»⁸.

По свидетельству Вильгельма, рейхсканцлер Т. фон Бетман-Гольвег «приехал из Копенгагена с предложением попытаться освободить бедного царя и его семейство с помощью Германии». Тогда кайзер «сказал господину фон Бетману: “Как бы я смог сделать это? Есть две линии фронта между немецкими

⁴ Вильгельм II. События и люди. 1878—1918. Минск, 2003. С. 212. Схожие черты отмечали у последнего царя и иностранные дипломаты. «У Николая нет ни одного порока, — писал 27 ноября 1916 г. французский посол в России М. Палеолог, — но у него наихудший для самодержавного монарха недостаток: отсутствие личности. Он всегда подчиняется» (*Палеолог М.* Царская Россия накануне революции. М., 1991. С. 169).

⁵ См.: *Regierte der Kaiser? Kriegstagebücher, Aufzeichnungen und Briefe 1914—1918* / Hrsg. W. von Görlitz, S. von Müller. Göttingen; Berlin; Frankfurt a/M, 1959.

⁶ В этой связи немецкий исследователь Е.И. Фляйшхауэр пишет о своего рода «консенсусе» между Лениным и Людендорфом (см.: *Fleischhauer E.I. Die Russische Revolution. Lenin und Ludendorff* (1905—1917). Borsdorf, 2017).

⁷ *Herzogin Viktoria Luise. Ein Leben als Tochter des Kaisers*. Göttingen; Hannover, 1966. S. 210.

⁸ *Weißer Blätter. Monatsschrift für Geschichte, Tradition und Staat*. 1935. № 6. S. 94.

и русскими войсками, которые находятся между ним и мной. Тем не менее я приказал своему канцлеру, чтобы он связался с правительством Керенского по нейтральным каналам и заявил ему, что, если волос упадёт с головы русской императорской семьи, то, я буду считать его лично ответственным»⁹. Этот рассказ записал и опубликовал в 1935 г. британский генерал В. Ветерс. Вильгельм сообщил ему, что приказал командующим не препятствовать перевозке царя в Англию и в случае необходимости обеспечить его охрану. Кайзер гарантировал, что немецкие подводные лодки не атакуют корабль, на котором будет находиться царская семья. Однако Великобритания отказалась предоставить Романовым убежище¹⁰.

Подписанный 3 марта 1918 г. в Брест-Литовске «Русско-германский дополнительный договор к мирному договору, заключённому между Россией, с одной стороны, и Германией, Австро-Венгрией, Болгарией и Турцией — с другой», создавал правовую основу для репатриации царской семьи на родину предков — в Германию. В шестой главе этого документа говорилось: «Гражданам каждой из договаривающихся сторон, которые сами или предки которых являются выходцами из территории противной стороны, должно быть предоставлено по соглашению с властями этой стороны право возвращения на родину, из которой происходят они или их предки, в течение десяти лет после ратификации мирного договора. Лица, имеющие право реэмиграции, должны по их заявлению быть освобождены от принадлежности к государству, гражданами которого они до сих пор были... Предусмотренные в абзаце 4 § 1 статьи 17 германские комиссии возьмут на себя также заботу о немецких реэмигрантах» (ст. 21)¹¹. Таким образом, императрица Александра Фёдоровна, её дети и сестра Елизавета Фёдоровна (вдова вел. кн. Сергея Александровича, урождённая принцесса Елизавета-Александра-Луиза-Алиса Гессен-Дармштадтская) попадали под защиту Германии. В России работала миссия германского Красного Креста, которая в мае 1918 г. посетила Урал¹². Газета «Уральская жизнь» 12 июня 1918 г. писала, что «в Екатеринбург прибыла германская комиссия № 8 по делам эвакуации находящихся в России германских пленных, военнопленных и беженцев». О ней не могли не знать в доме инженера Н.Н. Ипатьева, где содержалась царская семья, поскольку немцы расположились буквально в соседнем здании.

Летом 1918 г. советско-германские отношения развивались, как захватывающий политический детектив. 6 июля 1918 г. в Москве убили посла кайзеровской Германии в Советской России графа В. фон Мирбаха¹³, а через 11 дней в Екатеринбурге были расстреляны Николай II и его семья. Имелась ли связь между этими событиями?

Как свидетельствовал бывший сотрудник германского консульства в 1918 г. в Петрограде, а потом в Москве Г. Бартельс¹⁴, за некоторое время «до убийства графа Мирбаха между королём Испании и императором Вильгельмом происходили через специальных курьеров совершенно секретные переговоры, имевшие

⁹ Мангольд Т., Саммерс А. Дело Романовых, или расстрел, которого не было. М., 2011. С. 276.

¹⁰ Там же.

¹¹ Советско-германские отношения от переговоров в Брест-Литовске до подписания Рапалльского договора. Сборник документов. Т. 1. М., 1968. С. 424.

¹² Кузнецов В.В. Судьба царя. М., 2010. С. 589.

¹³ Хавкин Б.Л. Убийство графа Мирбаха: по следам преступления // Хавкин Б.Л. Россия и Германия: 1900—1945. Сплетение истории. М., 2014. С. 38—61.

¹⁴ 10 июня 1921 г. в Берлине с ним беседовал в присутствии полковника Э.Г. Фрейберга, представителя атамана Г.М. Семёнова в Германии, судебный следователь по особо важным делам при Омском окружном суде Н.А. Соколов.

в виду спасение русского царя и его семьи. В результате этих переговоров через графа Мирбаха последовало требование к Ленину об освобождении государя императора и его семьи»¹⁵.

В книге бывшего корреспондента лондонской «Таймс» в Петрограде Р. Вильтона упоминалось, что фон Мирбах якобы заключил с председателем ВЦИК Я.М. Свердловым соглашение, предусматривавшее возвращение Николая Александровича и его сына в Москву, а их расстрел был осуществлён по указанию из Берлина после того, как бывший император отказался участвовать в создании в России прогерманской монархии во главе с Алексеем¹⁶. При всей фантастичности и бездоказательности данного утверждения из него следует, что между большевистским правительством, немецким послом в Москве и находившейся в заключении в Сибири царской семьёй имелась определённая связь.

Нет оснований предполагать, что Николай II признал бы Брестский мир даже в том случае, если бы немцы вызволили его вместе с семьёй. Тем не менее граф Мирбах, которого кайзер в июне 1918 г. назвал «обольшевичившимся»¹⁷, действуя по указанию из Берлина, пытался спасти Романовых. В дневнике представителя германского Верховного главнокомандования при дипломатической миссии в Москве майора К. фон Ботмера отмечалось, что германской стороной предпринимались «определённые попытки оказания содействия царской фамилии дипломатическим путём»¹⁸.

Связь между убийством графа Мирбаха и екатеринбургской трагедией, как и роль германского посла в получении большевиками «немецких денег»¹⁹, как правило, остаются вне поля зрения современных российских историков. Однако ещё в 1920-е гг. бывший член Государственного совета В.И. Гурко вспоминал: в 1918 г. у него сложилось убеждение, «что немцы были весьма заинтересованы охранением жизни лиц царской семьи, которые могли бы занять русский престол». Более того, «германцы неоднократно требовали от московской центральной власти доставления к ним государя. В последний раз произошло это как раз после убийства их посла Мирбаха, когда они заявили намерение ввести в Москву части своих войск. Большевики этому самым решительным образом воспротивились. Тогда немцы отказались от этого намерения под условием передачи им русского императора. Большевики на это согласились, одновремен-

¹⁵ Российский архив (История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.). Вып. VIII. М., 1998. С. 306. В этой связи представляются необоснованными упреки принцессы Виктории Баттенберг (урождённой Виктории Гессен-Дармштадтской — сестры императрицы Александры Фёдоровны и родственницы испанской королевы Виктории-Евгении), заявлявшей, что Вильгельм II, «имевший самое непосредственное влияние на революционное правительство России, знавший мою сестру ещё девочкой, в венах которого течёт та же кровь, который ранее постоянно утверждал, что она принадлежит к той же национальности, что и он сам, оставил её в её несчастье», в то время как Альфонс XIII, для кого русская императрица и её дети были относительно чужими, «думал о них и пытался им помочь» (*Олано-Эренья А.* Испанский король и попытки спасения семьи Николая II // Новая и новейшая история. 1993. № 5. С. 152—165; *Медников И.Ю.* Миссия спасения: Альфонс XIII и российская императорская семья // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер. Всеобщая история. 2011. № 1. С. 65—75).

¹⁶ *Вильтон Р.* Последние дни Романовых. Берлин, 1923. С. 58.

¹⁷ *Фишер Ф.* Рынок к мировому господству. Политика военных целей кайзеровской Германии в 1914—1918 гг. М., 2017. С. 589.

¹⁸ *Ботмер К., фон.* С графом Мирбахом в Москве. М., 2004. С. 107.

¹⁹ К январю 1918 г. на поддержку большевиков Германией было выделено 40 млн марок. Подробнее см.: *Фишер Ф.* Рынок к мировому господству... С. 162; *Хавкин Б.Л.* Немецкие «финансовые потоки» русской революции // Вопросы истории. 2017. № 10. С. 127.

но тогда же решив, что уничтожат всю царскую семью, сваливши ответственность на какие-нибудь местные учреждения. Так они и сделали, своевременно уведомив екатеринбургский большевистский комитет о предстоящем отъезде царя»²⁰.

С.П. Мельгунов, приводя эти слова Гурко, видел в них «лишь домысел меуариста», как и «утверждение, что немцы в виде компромисса после убийства Мирбаха потребовали передачи бывшего императора». По мнению историка, никакого запроса со стороны немцев и не поступало, за исключением того разговора, который Мирбах имел с заместителем народного комиссара по иностранным делам Л.М. Караханом и членом коллегии НКВД К.Б. Радеком²¹. Мельгунов полагал, что если бы немцы жёстко потребовали освобождения царя и его семьи, то большевики вынуждены были бы принять это беспрекословно. Но «немцы в дни убийства Мирбаха больше интересовались хлебом и сахаром на Украине и нефтью на Кавказе, нежели монархом, который должен был возглавить национальное движение и находился в заключении в Екатеринбурге»²².

Немецкие исследователи отмечают, что о настоятельных требованиях германской стороны или «пакетном» соглашении Германии с правительством Ленина, связывавшем судьбу Николая Романова и его семьи с другими политическими проблемами, ничего не известно²³. Однако английский исследователь Ш. МакНил, заявлял, правда, не ссылаясь на документы, что «всего за несколько недель до исчезновения [царской] семьи Мирбах по просьбе кайзера оказывал на Ленина сильное давление по вопросу обеспечения безопасности... Романовых, которые в это время были в Екатеринбурге»²⁴.

Американский историк Р. Пайпс писал: «Проявляя безразличие к судьбе Николая, Берлин, тем не менее, выражал озабоченность безопасностью царицы, которая была по происхождению немкой, и тех, кого собирательно называли “немецкими принцессами”, — дочерей Александры Фёдоровны и нескольких придворных дам немецкого происхождения, а также Елизаветы Фёдоровны, сестры Александры Фёдоровны. 10 мая Мирбах обсуждал этот вопрос с Караханом и Радеком и доложил в Берлин следующее: “Не рискуя, конечно, выступить как защитник свергнутого режима, я, тем не менее, сказал комиссарам, что мы надеемся, что с немецкими принцессами будут обращаться со всем возможным уважением, без мелких придирок, не говоря уж об угрозах их жизни. Карахан и Радек, которые замещают отсутствующего [Г.В.] Чичерина, восприняли моё замечание благосклонно и с пониманием”»²⁵.

Судебный следователь по особо важным делам Омского окружного суда Н.А. Соколов пришёл к такому выводу: «Принимая во внимание общую политическую обстановку, в коей находилась Россия со времени переворота 25 октября 1917 года, нельзя не признать, что возможность со стороны немецкой власти, представленной в России в 1918 году послом Германии графом Мирбахом, попытки увоза из г. Тобольска государя императора путём требования, предъявленного к названному Якову Мовшевичу Свердлову, могла иметь место». Ссылаясь на свидетельские показания Бурцева, следователь утверждал,

²⁰ Мельгунов С.П. Судьба императора Николая II после отречения. М., 2005. С. 214.

²¹ Мельгунов С.П. Судьба императора... С. 215.

²² Там же. С. 222.

²³ Wiegrefe K., Altenhöner F., Bönisch G., Buschke H., Pyljow W., Zeller A. Lenin und der Kaiser // Spiegel Special. Geschichte. 2007. № 4. 18. XII. S. 49.

²⁴ МакНил Ш. Секретный план спасения царской семьи. М., 2006. С. 29.

²⁵ Пайпс Р. Русская революция. В 3 кн. Кн. 2. М., 2005. С. 584.

«что граф Мирбах обращался с категорическим требованием к вышеназванному Свердлову о привозе государя императора в Петроград... Требование графа Мирбаха состояло именно в том, чтобы государь император был увезён из того места, где он пребывал..., требование графа Мирбаха имело категорически-решительный характер». Соколов признал «абсолютно доказанным, что поручение, возложенное на Яковлева (вывести Романовых из Тобольска. — Б.Х.), по существу исходило от немецкого посла в Москве графа Мирбаха». При этом «действия графа Мирбаха, имея своей основой желание германского императора и испанской королевы, обуславливались гуманитарными мотивами, желанием указанных особ спасти жизнь царской семьи»²⁶.

Однако Соколов считал, что «эти указания мотивов требования графа Мирбаха... не соответствуют действительности. Прежде всего обстановка в г. Тобольске... не угрожала благополучию царской семьи. Затем непереносимое желание немецкой власти спасти жизнь царской семьи, основанное на гуманитарных началах, неизбежно должно было бы повлечь за собой факты иного рода, а не те, какие имели место в Тобольске в связи с поведением там Яковлева. Будучи почтителен к государю императору и указывая, что за его благополучие он, Яковлев, сам отвечает своей жизнью, Яковлев, однако, предъявил государю императору не просьбу об отъезде, а решительное требование и, не взирая на определённое выражение государем императором нежелания уезжать куда-либо из Тобольска, ввиду болезни наследника цесаревича, санкционировал своё требование угрозой»²⁷. Как писал Соколов, «отношение графа Мирбаха к просьбам групп и отдельных лиц спасти жизнь царской семьи было отрицательное, причём свидетель [А.В.] Кривошеин удостоверял, что граф Мирбах в ответ на такие просьбы заявил в конце концов, что обязанностью немецкой власти он считает не спасение царя, которого должен спасти сам русский народ, а “немецких принцесс”, причём из сопоставления показаний свидетелей Кривошеина, [Д.Б.] Нейдгарта и [А.Ф.] Трепова определённо видно, что такой ответ последовал уже тогда, когда вся царская семья была в Екатеринбурге»²⁸.

По мнению М.К. Касвинова, Вильгельм II предлагал «разработать меры по эвентуальному оказанию помощи и спасению» царской семьи, а Мирбах и командующий германскими оккупационными войсками на Украине фельдмаршал Г. фон Эйхгорн (убитый в Киеве 30 июля 1918 г.) в соответствии с директивой кайзера переслали «царю в Екатеринбург тайное приглашение о переезде в рейх», добавив, что «советское разрешение на такой переезд, по-видимому, будет получено в ближайшее время»²⁹. 25 июня в последнем письме статс-секретарю МИД Германии Р. фон Кюльману Мирбах сообщал, что он не может «поставить большевизму благоприятного диагноза», поскольку «мы, несомненно, стоим у постели опасного больного человека... который обречён». Исходя из этого, посол предлагал заполнить «образовавшуюся пустоту» новыми «правительственными органами, которые мы будем держать наготове и которые целиком и полностью будут состоять у нас на службе»³⁰.

В качестве возможного кандидата на роль главы нового прогерманского правительства России, которое должно было прийти к власти после Ленина,

²⁶ Российский архив... Вып. VIII. С. 362—363.

²⁷ Там же. С. 363.

²⁸ Там же. С. 365.

²⁹ Касвинов М.К. Двадцать три ступени вниз. М., 1989. С. 27, 35.

³⁰ Baumgart W. Die Mission des Grafen Mirbach in Moskau. April—Juni 1918 // Vierteljahreshefte für Zeitgeschichte, 1968. № 1. S. 94—95; Документы германского посла в Москве Мирбаха // Вопросы

Мирбах рассматривал бывшего министра земледелия А.В. Кривошеина. Последний поддерживал контакты с Мирбахом через бывшего чиновника российского МИД барона Б.Э. Нольде, а также через бывшего товарища министра внутренних дел Временного правительства С.М. Леонтьева. По воспоминаниям Гурко, весной 1918 г. от прогермански настроенных деятелей «Правого центра» исходила инициатива переговоров с немцами, в частности о судьбе царской семьи. Ответ немецкой стороны гласил: «Вы можете быть совершенно спокойны. Царская семья под нашей охраной и наблюдением»³¹. По данным Гурко, на переговорах членов «Правого центра» с представителями германского правительства определилось, что «немцы были весьма заинтересованы охранением жизни тех членов царской семьи, которые могли занять русский престол», и постоянно утверждали, что «царь находится в безопасности, и что они имеют при нём своих людей»³².

6 февраля 1921 г. в Париже Кривошеин рассказывал Соколову: «Мучительно ища выхода и сознавая своё бессилие помочь царской семье, мы (группа членов Государственного совета, вошедших впоследствии в “Правый центр”. — Б.Х.) решили обратиться к той единственной тогда силе, которая могла облегчить положение семьи и предотвратить опасность, буде она ей угрожала, — в германское посольство. Мы не преследовали при этом никаких общеполитических целей и исходили из самых элементарных побуждений гуманности и нашей преданности семье. От нашей группы обращались к графу Мирбаху два или три лица. Я помню сейчас только членов Государственного совета Нейдгарта и Роговича. Затем... с графом Мирбахом говорил не входивший в группу князь Дмитрий Дмитриевич Оболенский. Граф Мирбах принимал их весьма сухо, и сказанное им в ответ на просьбу обратить внимание на необходимость принять меры для ограждения безопасности царской семьи сводилось приблизительно к следующему: “Всё происходящее с Россией есть вполне естественное и неизбежное последствие победы Германии. Повторяется обычная история — горе побеждённым. Если бы победа была на стороне союзников, положение Германии, несомненно, стало бы гораздо худшим, чем положение России теперь. В частности, судьба русского царя зависит только от русского народа. Если о чём надо подумать, это об ограждении и безопасности находящихся в России немецких принцесс”»³³. 28 июня 1918 г. Мирбах сообщал в секретном послании канцлеру Г. Гертлингу: «Эта группа (Кривошеин, кн. Урусов, Леонтьев, Нольде и др. — Б.Х.) всё ещё обеспокоена возможностью попадания царя или других членов царской семьи в руки чехословаков и тем самым их использования Антантой в её комбинациях. Группа пытается установить контакты с сибирскими генералами и побудить донских генералов не участвовать в комбинациях Антанты»³⁴.

В качестве альтернативы большевикам немцы даже рассматривали возможность реставрации монархии, первым шагом к которой стало бы освобождение царской семьи. Кузен русской императрицы великий герцог Гессенский Эрнст

истории. 1971. № 9. С. 128—129 (ср.: Германия и революция в России. 1915—1918. Сборник документов / Сост. Ю.Г. Фельштинский. М., 2013. С. 231).

³¹ Соколов Н.А. Убийство царской семьи. М., 2017. С. 174.

³² Мельгунов С.П. Судьба императора... С. 214; Гурко В.И. Erinnerungen an den Krieg und Revolution. Берлин, 1929. С. 97.

³³ Российский архив... Вып. VIII. С. 271—273.

³⁴ Baumgart W. Die Mission des Grafen Mirbach in Moskau. April—Juni 1918. S. 96; Документы германского посла в Москве Мирбаха. С. 129.

Людвиг после подписания Брестского мира обращался в советское полпредство в Берлине с просьбой вывезти царскую семью в Германию. За это он обещал предотвратить вероятное наступление германских войск на Москву и аннулировать контрибуцию, наложенную на Советскую Россию Брестским миром³⁵.

О заинтересованности Германии в судьбе царской семьи свидетельствуют немецкие документы, переданные Соколову³⁶. Они упомянуты в протоколе, составленном в Берлине 14 июня 1921 г.: «Соколов, прибыв совместно с полковником Эрихом Георгиевичем Фрейбергом к доктору Рицлеру, входящему в состав германского посольства в России в 1918 году, просил его сообщить имеющиеся у него сведения по делу об убийстве государя императора и его семьи. Доктор Рицлер... предъявил судебному следователю ряд документов на немецком языке, из содержания которых видно: 1) что между Кюльманом и Рицлером, с одной стороны, Чичериным и Иоффе и иногда Радеком, с другой, велись переговоры, причём германское правительство настаивало на ограждении жизни царской семьи; 2) что эти переговоры велись в июне и июле месяцах 1918 года; 3) что они имели место и после 17 июля 1918 года; 4) что большевики после 19 июля признавали перед немецкими представителями факт убийства государя императора, объясняя его убийство опасением, что он будет спасён чехами; 5) что они скрывали перед немецким представительством факт убийства ими остальных августейших особ»³⁷.

Копии документов были получены Соколовым 9 сентября 1921 г., признаны вещественными доказательствами и переведены на русский язык. Судя по этой переписке, 21 июня Мирбах сообщил в германский МИД о наличии «основания предполагать, что во время боёв у Екатеринбурга пострадала императорская фамилия», о чём он говорил с Чичериным. Статс-секретарь министерства Кюльман отвечал, что, разговаривая с Иоффе, «указал ему на то отвращение, которое подобное событие возбудит во всём цивилизованном мире против настоящего русского правительства». Советский полпред, в свою очередь, заявил, что «неоднократно указывал в телеграммах, как важно заботиться о безопасности царской семьи и содержать её соответственным образом». По его заверению, «принципиально уже было принято решение перевезти её в Москву, когда перерыв железной дороги чехословаками отрезал сообщение», а «в настоящее время советская республика не в состоянии что-либо сделать в тех краях». 26 июня Мирбах докладывал: «Чичерин передал мне в разговоре, что контрреволюционные попытки в Екатеринбурге подавлены и что правительство ныне имеет сведения, что царь невредим. Подробности ему неизвестны, так как телеграфное сообщение плохо функционирует. По сведениям из обывательских источников царь и царица помещены в железнодорожном поезде вблизи Перми». 2 июля товарищ министра иностранных дел В. фон Штумм информировал посла: «Согласно словесному сообщению Иоффе слухи об убийстве царя и императорской семьи оказались неосновательными. Однако, принимая во внимание беспорядки на Урале, положение императорской семьи всё-таки небезопасно. Я очень определённо указал ему на то, что общественное мнение всего света сделает советское правительство ответственным за жизнь и безопасность царя и его семьи, а также на то, что

³⁵ См.: *Alexandrov V.* The End of the Romanovs. N.Y.; Boston; Toronto, 1966. P. 70; *Касвинов М.К.* Двадцать три ступени вниз. С. 31—32.

³⁶ *Лыкова Л.А.* Следствие по делу об убийстве российской императорской семьи. М., 2007. С. 205.

³⁷ Российский архив... Вып. VIII. С. 307.

безусловно необходимо соответственное размещение и уход за высочайшими особами. Иоффе обещал побудить своё правительство сделать всё возможное»³⁸.

Переписка возобновилась уже после гибели Мирбаха. 19 июля посольство передало в Берлин сообщение председателя ВЦИК о «расстреле бывшего царя Николая Романова», повторив также его заявление о том, будто «супруга и сын Николая II перевезены в безопасное место», и отметив, что «о дочерях Свердлов ничего не упоминал». Рицлер просил инструкции: «Должно ли быть повторно решительное представление относительно бережного отношения к царице... как к германской принцессе? Распространять представление и на цесаревича было бы опасно, так как большевикам, вероятно, известно, что монархисты склонны выставить [его] на первый план». 20 июля Рицлер сообщил о переговорах с советскими представителями: «Я вчера сказал Радеку и Воровскому, что весь мир самым строгим образом осудит расстрел царя и что императорский посланник должен решительно предостеречь их от дальнейшего следования по этому пути... Радек высказал личное мнение, что если мы проявляем особый интерес к дамам царской семьи, которые германской крови, то, может быть, можно было бы предоставить им свободный выезд. Может быть, удалось бы освободить царицу и цесаревича (последнего как неотделимого от матери), как компенсацию в вопросе батальона с гуманитарным обоснованием». Министерство в тот же день поддержало «представление в пользу царской семьи»³⁹.

Немецкие дипломаты с недоверием отнеслись к «уверениям» Чичерина и Иоффе в том, что расстрелян только бывший император, а семья его «перевезена в Пермь». До конца июля они продолжали делать представления советской стороне «в пользу царицы и всех принцесс германского происхождения». Впрочем, в посольстве отмечали, что «правительство по отношению к нам более предубеждено, чем ранее» и «было бы опасно для принцесс выказывать в этом вопросе больший интерес», более того — «путь через посредство советского правительства может быть опасным для царицы и поэтому должен быть избегнут»⁴⁰. Таким образом, германская сторона не только пыталась выяснить судьбу царя, царицы, царевича и царевен, но и стремилась взять их под защиту.

Соответствующие дипломатические демарши предпринимались как в Москве, так и в Берлине. «Мирбах, — писал Л.П. Замойский, — связался с подпольной пронемецкой группой Нейдгарта и Бенкендорфа, а через них с группой “Балтикум” — “Консул”, имевшей ответвления в аппарате Колчака и своих агентов в непосредственной близости от Екатеринбурга. Активную роль в действиях по освобождению царя предпринимал Курт Рицлер, он же И. Рюдорфер, прибывший с Мирбахом в Москву. Именно он подписал в июле 1918 года донесение в МИД Германии о необходимости представления советской власти “относительно бережного отношения к царице как германской принцессе”. Этот демарш был одобрен в Берлине фон Кюльманом, с которым Мирбах вёл постоянную переписку. Фон Кюльман в своём ответе подчёркивал: “При любых обстоятельствах немецкая принцесса и её дети, в том числе наследник, как неотделимый от матери, не могут быть оставлены на произвол судьбы”. А сам фон Мирбах на секретном совещании, по свидетельству Нейдгарта,

³⁸ Там же. С. 333—337; Дело об убийстве Императора Николая II, его семьи и лиц их окружения. Т. 2. М., 2015. С. 319—324. Немецкие оригиналы этих документов см.: ГА РФ, ф. 1837, оп. 1, д. 5, л. 1—6.

³⁹ Там же.

⁴⁰ Эти документы Соколов частично опубликовал в Берлине: *Соколов Н.А.* Убийство царской семьи. Берлин, 1925. С. 271—272. В московское издание книги в 2017 г. они не вошли.

узнав о намерении властей судить императора, заявил: “Наша позиция: суда не допустить, семью освободить и вывезти в Германию”»⁴¹.

Полпред Иоффе писал 21 июня Ленину: «Невозможно работать, если не знать, что происходит в России... что-то делается с б[ывшим] царём — я ничего не знаю. Кюльман вчера об этом заговорил, и я сказал ему, что не имею никаких сведений, почти не сомневаюсь в том, что его убьют, ибо на Урале германофобское настроение, царя считают немцем, чехословацкое восстание ещё более вызывает германофобство и, кажется, поэтому там не смогут справиться — произойдёт подобная расправа. Не доказывая, что это нам страшно навредит, я доказывал, что мы будем невиновны, а вина падёт на немцев. Необходимо, чтобы на случай, если действительно что-нибудь произойдёт, можно опубликовать вполне убедительный сериал, доказывающий нашу непричастность»⁴². Однако председатель Совнаркома полагал, что лучше «пусть Иоффе ничего не знает, ему там, в Берлине, легче врать будет»⁴³.

Политическое решение об участии Николая II и его семьи, по косвенным свидетельствам, было принято в Москве председателем СНК РСФСР В.И. Ульяновым (Лениным), председателем ВЦИК Я.М. Свердловым и лидером уральских большевиков Ф.И. Голощёкиным в начале июля 1918 г. — после того, как был убит граф Мирбах⁴⁴. Пока он был жив, большевики не решались расправиться с царской семьёй. Точную дату принятия большевиками окончательного решения о расстреле царя и его семьи установить трудно. Следовательно Соколов полагал, что это произошло между 8 и 14 июля 1918 г.: 8 июля «Голощёкин находился в Москве и должен был пробыть там ещё некоторое время. Он мог возвратиться в Екатеринбург и действительно возвратился из Москвы около 14 июля»⁴⁵. Как выяснил В.В. Алексеев, «судьбой Николая II... занимался центр. Этот вопрос периодически обсуждался в Президиуме ВЦИК (1, 6 апреля) и в Совете народных комиссаров (2 мая), а в районе 10 июля было принято окончательное решение. В ночь с 16 на 17 июля состоялся расстрел, а через десять дней Екатеринбург был взят белыми»⁴⁶. В любом случае, это решение было принято до 14 июля — даты предъявления советником посольства Германии Рицлером советскому правительству германского ультиматума, содержавшего требование ввести в Москву воинский батальон для охраны посольства.

О том, что политическое решение о казни Николая II приняли глава советского правительства и председатель ВЦИК, свидетельствовал Л.Д. Троцкий. Приехав с фронта в Москву, он поинтересовался у Свердлова судьбой царя и его семьи. Тот ответил, что все расстреляны. «А кто решал?», — спросил Троцкий. — «Мы здесь решали. Ильич считал, что нельзя оставлять нам им живого знамени, особенно в нынешних трудных условиях». По словам Троцкого, «казнь царской семьи была нужна не просто для того, чтобы напугать,

⁴¹ Замойский Л.П. Повороты судьбы царской семьи // Россия. 2004. 21 мая.

⁴² Российский архив... Вып. VIII. С. 380 (сн. 141).

⁴³ РГАСПИ, ф. 588, оп. 3, д. 12, л. 59; МакНил Ш. Секретный план спасения царской семьи. С. 116.

⁴⁴ Соколов подчёркивал, что «судьба царской семьи была решена не в Екатеринбурге, а в Москве» (Соколов Н.А. Убийство царской семьи. Берлин, 1925. С. 255).

⁴⁵ Соколов Н.А. Убийство царской семьи. Берлин, 1925. С. 245.

⁴⁶ Алексеев В.В. Гибель царской семьи: мифы и реальность (Новые документы о трагедии на Урале). Екатеринбург, 1993. С. 12.

ужаснуть, лишить надежды врага, но и для того, чтобы встряхнуть собственные ряды, показать, что впереди полная победа или полная гибель»⁴⁷.

Однако, несмотря на эти усилия, необходимо учесть, что немцы вряд ли могли спасти царскую семью против её воли. Между тем её отношение к возможной помощи со стороны Германии хорошо прослеживается по записям воспитателя наследника П. Жильяра: «Вторник, 19 марта. После обеда мы обсуждали Брест-Литовский мир, который только что был подписан. Царь был очень подавлен и сказал: “Это — позор для России; этот договор — самоубийство. Я никогда и представить себе не мог, что император Вильгельм и германское правительство пожмут руки предателям. Но я уверен: этот договор не пойдёт им на пользу; он не спасёт их от гибели!” Немного позже, когда князь Долгоруков заметил, что газеты обсуждают пункт договора, в котором немцы требовали передать им царскую семью, царь вскричал: “Это либо оскорбление, либо попытка дискредитировать меня!” А царица негромко добавила: “После всего того, что они сделали государю, я скорее предпочту умереть в России, чем быть спасённой Германией!”»⁴⁸.

Николай II и Александра Фёдоровна были патриотами своей страны. Статский советник В.В. Буймистров вспоминал: «Государь не соглашался даже в будущем покинуть Россию, будучи уверен, что русский народ, столь им любимый, никогда не посягнёт на него и его семью»⁴⁹. Александра Фёдоровна говорила графине А.В. Гендриковой: «Меня угнетает мысль о нашем скором отъезде за границу. Покинуть Россию мне будет бесконечно тяжело. Хотя я не русской родилась, но сделалась ею... Чем жить где-нибудь в Англии, в королевском замке, на положении почётных изгнанников, я предпочла бы, что бы нам дали какой-нибудь маленький, безвестный уголок земли, но здесь, у нас в России»⁵⁰. В письме фрейлине А.А. Вырубовой императрица писала: «Такой кошмар, что немцы должны спасти всех и порядок наводить. Что может быть хуже и более унижительно, чем это? Принимаем порядок из одной руки, пока другой они всё отнимают. Боже, спаси и помоги России! Один позор и ужас»⁵¹. Кстати, и другие представители Романовых (например, вел. кн. Елизавета Фёдоровна) тоже отказались принять помощь Германии.

Между тем попытки освобождения Романовых стали одной из причин расправы над ними. Во всяком случае, комендант дома Ипатьева чекист Я.М. Юровский, руководивший убийством и последующим уничтожением тел, указывал: «Я тут же, насколько помню, сказал Николаю примерно следующее, что его царственные родственники и близкие как в стране, так и за границей, пытались его освободить, а что Совет рабочих депутатов постановил их расстрелять»⁵².

⁴⁷ Троцкий Л.Д. Дневники и письма. М., 1994. С. 118—119. См. также: Плотников И.Ф. Гибель царской семьи. Екатеринбург, 2003.

⁴⁸ Жильяр П. Воспоминания наставника цесаревича Алексея. 1905—1918. М., 2006; «На Брестский договор государь смотрел как на позор перед союзниками, как на измену России и союзникам... “И они смели подозревать её величество в измене! Кто же на самом деле изменник?”» (Соколов Н.А. Убийство царской семьи. М., 2017. С. 182).

⁴⁹ ГА РФ, ф. Р-5881, оп. 1, д. 245, л. 20—21.

⁵⁰ Винберг Ф. Крестный путь. Ч. 1. Мюнхен, 1921. С. 190.

⁵¹ Русская летопись (в 7 кн.). Кн. 4. Париж, 1922. С. 226.

⁵² Центр документации общественных организаций Свердловской области, ф. 41, оп. 1, д. 151, л. 10—22; Материалы правительственной Комиссии по изучению вопросов, связанных с исследованием и перезахоронением останков российского императора Николая II и членов его семьи.

Известие об убийстве своего русского родственника Вильгельм II встретил спокойно и холодно. Его волновала лишь сложившаяся в этой связи политическая ситуация. Как сообщал представитель МИД в свите кайзера барон В. фон Грюнау, «его величество отметил, что... мы теперь оказались в сложной ситуации в отношении остальной части России. Мы должны позаботиться о том, чтобы Антанта не обвинила бы нас в убийстве. Такая попытка с её стороны наверняка будет предпринята». Однако в отношении урождённых гессен-дармштадтских принцесс — Александры Фёдоровны и Елизаветы Фёдоровны — немецкие дипломаты потребовали, чтобы большевики «отнеслись к дамам с предельным вниманием»⁵³. Это объяснялось тем, что факт убийства всей царской семьи советское правительство скрывало. Более того, представители Ленина заявляли, что германская сторона может ставить вопрос об освобождении Александры Фёдоровны и её детей. В конце августа — начале сентября 1918 г. даже обсуждалась возможность их обмена на «неудобных в Германии личностей» (имелись в виду лидеры «Союза Спартака» и руководители Коммунистической партии Германии К. Либкнехт и Л. Йогихес)⁵⁴.

Немецкие стратеги с трудом осознавали, что в вынужденном союзе большевиков и империи Гогенцоллернов проигравшей стороной станут именно они. Соколов утверждал: «Не царя спасали немцы... а свои интересы»⁵⁵. Официальному Берлину дважды — после убийства графа Мирбаха и после расстрела Николая II и его семьи — представлялся случай оказаться от поддержки правительства Ленина. Однако Вильгельм II под давлением «двуумвирата» выступил против разрыва отношений и призвал «поддерживать большевиков при любых условиях». Секретная часть дополнительного соглашения о мире между Москвой и Берлином от 27 августа 1918 г. содержала обещание помогать большевикам в их борьбе против Антанты⁵⁶. Подписавший этот документ от имени Германии статс-секретарь по иностранным делам адмирал П. фон Хинтце писал: «Большевики — единственная русская партия, вступившая в противостояние с Антантой. И это проявляется всё отчётливее. Большевики — единственные сторонники Брестского мира в России»⁵⁷.

Лишь 5 ноября правительство принца Макса Баденского разорвало дипломатические отношения с РСФСР, обвинив её в финансировании пролетарской революции в Германии⁵⁸. Через шесть дней было подписано Компьенское перемирие, означавшее поражение рейха в Первой мировой войне и аннулирование Брест-Литовского мира. Монархия оказалась свергнута и в Германии, однако трагическая участь Николая II миновала Вильгельма II: он бежал в Нидерланды, где и умер в 1941 г.

Сравнительный анализ документов следствия 1918—1924 гг. с данными советских источников и материалами следствия 1991—1997 гг. (URL: <http://www.romanovy.narod.ru/sravn.htm>).

⁵³ *Wiegrefe K., Altenhöner F., Bönnisch G., Buschke H., Pyljow W., Zeller A.* Lenin und der Kaiser. S. 49—50.

⁵⁴ *Пайнс Р.* Русская революция. С. 587.

⁵⁵ *Соколов Н.А.* Убийство царской семьи. М., 2017. С. 181.

⁵⁶ *Люкс Л.* История России и Советского Союза от Ленина до Ельцина. М., 2009. С. 77.

⁵⁷ *Фишер Ф.* Рынок к мировому господству... С. 594.

⁵⁸ *Ватлин А.Ю.* Международная стратегия большевизма на исходе Первой мировой войны // Вопросы истории. 2008. № 3. С. 80.